

Непозволительно будущее страны вновь связывать с утопией

*А.С. Цирко,
доктор философских наук*

Согласен с автором доклада, что Россия тяжело больна и больна многими тяжелыми болезнями. Согласен с автором и в том, что «шизофрения и рак», как он говорит, поразили прежде всего наши мозги. За нашим российским аутизмом стоит если не окончательная утрата, то резкое ослабление инстинкта национального самосохранения. Мы принадлежим к нации, которая сама, «своими руками разрушила свою страну», настаивает Григорий Малинецкий. И я с ним согласен. Хотя автор доклада настаивает, что прошлого нет, и мы должны убрать при оценке настоящего кризиса споры о прошлом, но нельзя не вспомнить, что идея суверенитета РСФСР, идея выделения РСФСР из исторической, создававшейся веками России, идея, вызревшая в недрах почвеннической интеллигенции — тоже была отягощена уже давно сложившимся «российским аутизмом».

При всем уважении и даже восхищении результатами анализа наших нынешних российских болячек, проделанного Г.Г. Малинецким, не могу не видеть, что и в самом докладе на поверхности лежат симптомы того, что он называет аутизмом, т. е. присутствует, на мой взгляд, «неадекватная реакция на все неприятное и волнующее». Речь идет о его принципиальном нежелании изучать причины нынешней деградации российского социума, о нежелании видеть, признать очевидное, что многие симптомы деградации давали о себе знать и в рамках советской системы и во многих случаях сегодня

вырвалось на поверхность то, что сложилось три-четыре десятилетия назад.

Только один пример. Верно, и это соответствует фактам, что именно после распада СССР, слома советской системы начала стремительно расти доля населения, оказавшегося на дне и утратившего надежды, смысл жизни. Но не соответствует фактам утверждение докладчика, что только сейчас «национальной проблемой стало пьянство». Если бы Г.Г. Малинецкий к своей систематизированной феноменологии нынешнего кризиса присовокупил динамику развития всех без исключения болезней современной России, то он увидел бы, что, к примеру, пьянство зашкаливало за критические цифры уже в советское время, во второй половине 1970-х и в первой половине 1980-х гг., что именно угроза уничтожения советской, российской нации заставила Михаила Горбачева, по настоянию Егора Лигачева, приступить к непопулярным и, согласен, непродуманным мерам по борьбе с пьянством. Кстати, по количеству самоубийств по политическим причинам, в знак протеста против политической системы, мы занимали первое место в мире и в 1960-е, и в 1970-е гг. Вот вам живая статистика. Из моего курса — чуть более ста человек, поступивших на философский факультет МГУ в 1963 г., — около 60% были демобилизованные из армии, шесть человек покончили жизнь самоубийством по политическим причинам, в знак протеста против системы, от нежелания, неспособности приноровиться к партийной правде.

Я согласен с мнением Владимира Якунина, что несмотря на декларацию нашим докладчиком принципиальной аполитичности, несмотря на его, верю, искреннее желание выйти за рамки споров о нашем советском прошлом, на самом деле представленный на наше рассмотрение текст предельно идеологичен, предельно политичен.

Приведу только один пример. В заключительных разделах доклада, отступив от продекларированного принципа не ворошить прошлое, Григорий Малинецкий заявляет, что при-

чина нынешней социальной и демографической катастрофы коренится в оттепели Хрущева, который якобы «приземлил» высокие смыслы и ценности, державшие советское общество, взял «курс на расслабление и догоняющее развитие». Сам по себе тезис, что «расслабление», произошедшее после прихода к власти Н.С. Хрущева, — т. е. отказ от системы «галочек» в колхозах, переход к более широкому материальному стимулированию и в аграрном, и в промышленном секторе, само стремление Хрущева повысить уровень материального благосостояния советских людей, избавить их от сталинских страхов, что и погубило русского человека, — не нов. Он является общим местом во всех книгах, изданных в последние два года в рамках проекта «Россия». К примеру, в работе «Русская доктрина» тоже утверждается, что «СССР развалился не от нашей скудости, а от неприличного в своей глупости культа «сытости», культа «модных вещей», культа «подражания», от прочих обывательских идеалов». В этой же работе утверждается, что катастрофа наступила тогда, когда Хрущев начал переселять советского человека из бараков в пятиэтажки.

И здесь обнаруживается, что главным и решающим при определении стратегии России является все же анализ смыслов, ценностей, что даже оценка самих процессов, подрывающих жизнеспособность современной России, зависит от исходного мировоззрения тех людей, которые занимаются прикладными исследованиями. Диагностика болячек современной России — какой бы она ни была всесторонней, как бы полно она ни учитывала мировые тренды, как бы она ни была системна и комплексна — дает нам, на самом деле, только расписание поездов, а на вопрос «куда и как нам ехать?» не может ответить.

Если вы исповедуете неосталинизм в духе Александра Зиновьева, убежденного в том, что сталинская система была наиболее адекватна природе русского человека, то вы не станете бороться с нынешней нищетой и всех, как в 30-е и

40-е, уравнивать в этой нищете; а если Вы будете следовать не придуманному, а реальному, на самом деле очень умному и практичному русскому человеку, если вы будете следовать русской поговорке «Бедность не порок, а несчастье» или же поговоркам «Нет греха хуже бедности», «Богатство перед богом — великий грех, а бедность — перед людьми», то вы все же начнете догонять страны другой, западной Европы по уровню благосостояния. В конце концов, спор о смыслах, о том, какие ценности присущи русскому человеку, решается путем честного исследования реального мира, реальных ценностей российского человека.

И здесь я вынужден обратить внимание на опасности, которые подстерегают нас, гуманитариев, на пути сотрудничества с естественниками. Все дело в том, что для гуманитариев, имеющих более или менее приличную школу, знающих историю нашей общественной мысли, очевидно, что все эти постулаты об особой, аскетической природе русского человека, об особой русской цивилизации, качественно отличающейся от христианского Запада, совсем не аксиоматичны, что в данном случае мы имеем дело только со взглядами нескольких мыслителей, взглядами Николая Данилевского и Константина Леонтьева. А естественник Григорий Малинецкий воспринимает, как видно из его доклада, все эти постулаты позднего славянофильства или взгляды уважаемого Сергея Кара-Мурзы как истину в последней инстанции. Я лично — как исследователь, привыкший работать с фактами и проживший в рамках советской системы полвека, — не нахожу подтверждения ни в истории, ни в своей жизни почвы для веры в то, что в России был якобы какой-то особый экономический уклад, основанный на коллективном труде, на способности ставить «общее выше личного». И совсем уж прекраснотушной утопией является для меня предложение нашего докладчика воссоздать особый русский мир, который освободился бы от «традиционных для Запада материальных стимулов», который ставил бы «общее выше личного».

Душа русского человека уникальна: это особый мир страстей, переживаний, это особая динамика чувств, поступков. Но все же, русский человек в жизни, в быту — хозяин, и в этом смысле живет умом, своим интересом, стремится к обустройству прежде всего своей жизни, своего дома.

Обратите внимание. Наш новый патриарх Кирилл, создавший социальную доктрину православия, во всех своих статьях и выступлениях всегда говорит, что русский человек должен относиться к своему дому, хозяйству рачительно, как Бог относится к созданному им миру; патриарх говорит, что утопией являются попытки создать «свою особую русскую банковскую систему», свою особую русскую ипотеку, особый русский рынок, не знающий интересов прибыли». Другое дело, поясняет в своих речах наш новый патриарх, что богатый, преуспевающий хозяин должен заботиться о своих подчиненных, ближних, должен делиться своим богатством со страждущими и т. д.

Нет времени и места для споров о русской душе. Хочу напомнить только, что в России побеждали те политики, которые знали реального русского человека, настроения и чаяния крестьянина. К примеру, Ленин в октябре 1917 г. захватил власть не с лозунгом «общее выше личного», не с лозунгом обобществленного коммунистического труда, а, напротив, делая ставку на эгоизм и личный интерес русского крестьянина, крестьянина-собственника; Ленин победил, ставя настоящее желание солдат остаться в живых — отсюда лозунг мира, он победил, обещая крестьянину землю, т. е. учитывая его желание расширить свое личное, индивидуальное хозяйство, и т. д. Кстати, по этой же причине в 1991 г. победили наши демократы, которые обещали уставшему от вечного советского дефицита советскому человеку достаток, высокую заработную плату и прочие блага жизни.

Раз мы здесь все ученые, то давайте перестанем жить мифами. Пора заняться и серьезным исследованием природы и души русского человека и, самое главное, интересами и стро-

ем души современного, посткоммунистического русского человека. По крайней мере, лично для меня и сборники русских пословиц, и «Домострой», и письма из деревни Энгельгардта, и очерки Глеба Успенского о русской деревне — все, что писали о русском мужике и Чехов, и Бунин, и, кстати, Максим Горький, куда более важнее, как свидетельства истории, чем гипотезы Николая Данилевского. Надо верить в Россию, но пора после 70 лет коммунистического эксперимента освободиться от веры в чудо, избавиться от соблазнов своей особенности и исключительности.

Мне думается, что сама идея сегодня, в современном мире, создать особый, уникальный тип хозяйства, освободившись от всех тех стимулов, на которых развивалась человеческая цивилизация, является куда более вызывающим мифом, чем миф Маркса. Мифотворчеству большевиков есть оправдание: они говорили о том, чего никогда не было, они имели право на надежду. Но нам, после поражения военного коммунизма 1918–1920 гг. и после самораспада советской социалистической системы, нельзя, непозволительно снова связывать будущее страны с утопией, с надеждой на то, что всю Россию можно превратить в монастырь, где все будут подчинять свой труд идее служения Богу.